

встреча

ОТКРОВЕННОСТЬ— НАУКА ТРУДНАЯ

НАШ СОБЕСЕДНИК — ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИХ ДРАМАТУРГОВ
СОВЕТСКОГО КИНО Е. И. ГАБРИЛОВИЧ

Фильмы по его сценариям «Машенька», «Коммунист», «Ленин в Париже», «Объяснение в любви», созданные в разные годы, объединяло стремление художника максимально приблизиться к правде — исторической, психологической, художественной. Не всегда это было просто, не всегда эти фильмы находили сиюминутный успех и понимание у зрителя. Тем дороже верность драматурга избранному пути.

— Евгений Иосифович, что такое сегодня современный кинематограф?

— Думаю, что современный и вчера, и сегодня, и завтра означает прежде всего проблемный, спорящий. Не перечисление событий, не фотографирование жизни, а умение отразить глубинные диалектические процессы общественных и личных отношений дороги мне в искусстве. Современный кинематограф в долгу перед перестройкой. Мы пока еще занимаемся самобичеванием за свои прошлые недостатки. Говорим себе: вот раньше было плохо, но стоит нам сейчас сбросить груз тяжких грехов — на горизонте покажется силуэт светлого будущего. Если искусство владет сегодня в подобном благодушии, дорога, по которой мы пойдем, может оказаться туликовой. Сам процесс перестройки, его внутренние конфликты, драматические ситуации пока остаются вне серьезного анализа.

— Какие конфликты лично вы видите внутри перестройки?

— Недавно вместе с молодым драматургом Ю. Поляковым для режиссера Л. Второго мы закончили работу над сценарием «Все будет хорошо». Это история молодой девушки, коммунистки, горячей сторонницы перестройки. Она энергична, полна надежд на будущее, хочет строить новое. Окружающие ее люди тоже на словах приветствуют обновление. Но только на словах. В итоге главная героиня оказывается отверженной.

По-моему, этот сюжет вполне реален. Реально также и то, что за словами об обновлении зачастую идет сведение личных счетов, расправа за критику, дескать, критикующий мешает перестройке. Конфликтов хватает. Но для того, чтобы кинематограф сумел сказать об этом аргументированно, убедительно, глубоко, сам писатель, кинодраматург должен сегодня внутренне перестроиться. Казалось бы, чего проще говорить то, что ты думаешь. Но оказывается, что внутри тебя самого уже долгие годы сидит некий очень строгий цензор, который постоянно диктует: об этом еще рано говорить, здесь помягче, как бы кого не обидеть, об этом лучше пока сказать не впрямую — иносказательно.

В истории ничто не проходит бесследно. Долгие годы нас приучали жить директивами, постановлениями, указаниями. Мы привыкли, что в намеченном курсе не может быть ошибок. Привыкли «безоговорочно под-

держивать», голосовать только «за». Смотрите, что получается. Сегодня мы активно и справедливо критикуем прошлые недостатки. Но не случается ли так, что люди, которые только вчера выступали с «горячей поддержкой» всего, что делалось вокруг, сегодня негодуют по поводу вчерашнего. Человек, приученный думать по команде сверху, может без особых усилий переходить с одной позиции на другую.

Недавно мне довелось наблюдать интересную сцену. Девочка, вернувшись домой из детского сада, плачет: «Не пойду туда больше. Воспитательница злая, кормят невкусно, мальчишки дерутся». Через несколько минут пришли гости, спрашивают: «Ну, как тебе в детском саду?». Отвечает: «Очень хорошо!». Понимаете? Вот он, маленький человек, в которого как бы генетически заложено: «Думаю одно, говорю другое». Вот оно начало раздвоенности, которая приводит потом к фальшивым выступлениям на собраниях, по радио, на телевидении, в кино и литературе. И не надо думать, что стоит директивно осудить это явление, как все тут же начнут говорить искренно. Перестройка психологии — очень длительный, кропотливый, каждодневный труд.

— О чем, кроме перестройки, должен, на ваш взгляд, говорить современный кинематограф?

— Думаю, что говорить языком современности не значит

говорить о том, что происходит сию минуту. В большом долгу кинематограф перед отечественной историей. Фильмов о войне и революции создано немало, но, как правило, они декоративны, история в них отражена недостаточно глубоко и не всегда правдиво. Мало еще сказано партийным кинематографом о негативных явлениях, которые проявились во время войны.

— Что вы вкладываете в понятие «партийный кинематограф»?

— Партийный кинематограф отнюдь не должен все раскладывать по полочкам, делать догматические выводы: это одобрить, этого не одобрять. Необходимо опасаться прежнего стремления овеществлять на экране то, что уже решили партийные инстанции. Задача художника — вести каждодневный глубокий анализ истории и современности, чтобы помочь партии в ее дальнейшем пути.

Думается, нам еще предстоит вернуться к годам коллективизации, послевоенным стройкам. Эти темы ждут своего автора. Но главное, о чем нужно говорить, — это о подлинных победах и сложностях советского человека. Постепенно на нашем экране затвердели черты характера положительного героя: прямолинейный, непреклонный, он, если и имел недостатки, то быстро от них избавлялся. В последние годы герой исчез, на смену ему пришел антигерой: проходимец, ловкач,

жулик, который, как правило, за полтора часа экранного времени быстро перевоспитывался и раскаивался в своих грехах. Не могу дать точного рецепта, кто должен стать героем нашего времени. Главное — правда и глубина в его изображении. Поменьше догматизма, поменьше целительных микстур, которые вгоняют кино в бессилие и скучность.

— Как, на ваш взгляд, можно остановить поток серых, однообразных фильмов, о котором сегодня много говорят?

— Серость, на мой взгляд, очень часто проявление не-профессионализма. Студентов ВГИКа мы учим всему и ничему. Поверхностная эрудиция — в ущерб профессиональным знаниям. Даже талантливый человек может быть обречен на создание серых, неинтересных фильмов, если он не знает секретов мастерства. Нам вновь предстоит научиться делать кино увлекательным, интересным, предстоит возродить утраченный профессионализм, научиться писать диалоги острыми, комедии смешными, а сюжеты увлекательными. Я бы сказал, что за последние годы произошла сильная политизация искусства. Тема стала для нас фатумом. А будет ли зритель смотреть картину или нет — вопрос десятый. Мне думается, что современное увлечение молодежи рок-музыкой, немислимыми костюмами, прическами — глубже чисто музыкальных пристрастий, желания выделиться. По-моему, это знак внутреннего протеста против формализма собраний, однообразия, застойности жизни, скучного, невыразительного искусства.

— Талантливое кино — дело людей талантливых, а их не так уж и много.

— Но и немало. Знаю это как человек, долгие годы преподававший во ВГИКе. Другое дело, что за последние годы творчески погибали не только талантливые произведения, но и люди. Это со стороны кажется легко: не приняли один сценарий — напишу другой. У человека творческого неприятие его

произведения рождает неверие в свои силы, разочарование. Знаю случаи, когда талантливые выпускники ВГИКа становились директорами магазинов...

— В кинематографе сегодня большие перемены. Как вы относитесь к новой модели хозяйственных киностудий?

— В кино действительно большие и отрадны перемены. Но мы не должны без конца восхищаться этим. Проблем хватает. Что касается новой модели — я не экономист. А с творческой точки зрения могу сказать, что я не сторонник обилия худсоветов, которые сейчас наделаются большими полномочиями. Не думаю, что коллективное обсуждение произведений искусства является панацеей. Я сам участник всевозможных советов и знаю, что это такое. За полтора часа очень трудно бывает вникнуть в глубину замысла, загореться идеей. Вот и получается, как у Твардовского: «То свое словечко вставит, то чужое зачеркнет». В итоге за все поправки, исправления отвечает только автор. Советчик — человек со стороны. Он пришел и ушел, никакой ответственности не несет.

— В вашем последнем сценарии действие разворачивается на фоне строительства символического монумента будущего. Значит, с позиций человека, который много пережил, вы все-таки верите, что сегодня мы закладываем фундамент этого монумента?

— Если говорить откровенно, то бывало, что нам обещали: поживите еще немного, наступит золотой век. Но я верю в будущее. Важно только понять, что придем мы к нему не с той скользкой легкостью, которую так любит изображать кинематограф. Будут неудачи, поражения, и, возможно, очень глубокие. Помня об этом, забудем пока мелодии победных маршей. Впереди огромная, тяжелая работа по перестройке искусства, и прежде всего самих себя.

Беседу вел
Е. ПЕТРОВА.